

Г. В. ШПАК

ЗАПИСКИ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ О РОССИИ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII ВЕКА В КОНТЕКСТЕ БРИТАНСКОЙ ТРАВЕЛОГООГРАФИИ¹

Тексты английских путешественников о России, начиная с записок Р. Ченслера (ок. 1553 г.), традиционно рассматривались исследователями в качестве иллюстраций отдельных исторических явлений. Наша задача – проанализировать эти тексты как самостоятельные нарративы, функционирующие в границах жанровой специфики британской травелогографии. Такой подход позволяет пролить свет на репрезентативные стратегии и особенности авторской рецепции, что способствует более цельному пониманию методов фиксации образов российской действительности конца XVI – начала XVII в., представленной на страницах британских травелогов.

Ключевые слова: *травелог, россияка, Россия и Британия, записки путешественников, репрезентация пространства, история естественнонаучного знания*

Одним из первых печатных травелогов, распространенных в Англии, считается текст 1486 г. «Паломничество на гору Сион и в город Иерусалим» (*Peregrination Montem Syonet Civitatem Hierusalem*) Бернарда фон Брайденбаха². И хотя к концу XV в. написано большое число паломничеств, данный текст имеет характерную особенность – наличие иллюстраций. Как пишет Х. Дэвис: «нарратив Бернарда фон Брайденбаха, декана Майнца, считается первым печатным травелогом, включающим в себя изображения посещаемых им мест. Эти места от Венеции до горы Синай, знакомые каждому паломнику, впервые были изображены «согласно Природе и Истине» способным художником, услугами которого благополучно удалось воспользоваться декану³». Издание Брайденбаха может считаться провозвестником нового отношения к изобразительным практикам XVI в., в доказательство которого часто приводят иллюстрированные издания Андреаса Везалия и Леонарда Фукса. Об особом влиянии визуального на формирование новых механизмов восприятия в раннее новое время написано немало работ, что связано и с т.н. «визуальным поворотом» в историографии⁴.

Травелог в контексте новых практик выполняет разные функции – задает модель фиксации образов пространства и времени, т.е. обуславливает жаровые нормы описательных практик, вербализует поведенче-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научно-го фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII-XVIII вв.))»

² Davis 1821. P. 8.

³ Davies 1911. P. I.

⁴ См.: Шпак 2019 (а).

ские характеристики путешественника, устанавливает связи между эмпирическими (обусловленными естественнонаучным знанием) и личностными (обусловленными опытом и традицией) стратегиями описания реальности. В то же время, травелог выступает в качестве нарратива, детерминирующего отношение к пространству: «Территория – ментальный конструктор, само конструирование которого является в онтологическом смысле территориальным процессом. Воображение, моделирующее какую-либо территорию, обладающую конкретными физико-, культурно-, политико-, экономико-географическими параметрами, также занимает территорию». Пространства являются идеологически нагруженными конструктами, существующими за счет мифов, для производства которых географическое воображение начинает тесно взаимодействовать с историческим. Механизм этого взаимодействия описан Д.Н. Замятиным⁵: сначала отбираются определенные полуосознанные знаки, символы, стереотипы и архетипы, посредством которых конструируются отдельные образы, затем происходит выстраивание этих образов в некие пространственные и временные последовательности и, наконец, – вытягивание этих цепочек на сознательный уровень и их репрезентация (создание истории, нарратива).

В книге «От паломничества к истории...» Дж. Демарей доказывает, что глобальный историзм как стремление утвердить объективное знание, полученное эмпирическим путем, т.е. принцип рациональности, берет начало не в XVIII в. в связи с антиклерикальной деятельностью Вольтера, Канта и французских энциклопедистов, а на полтора века раньше. Он связывает его появление с деятельностью религиозных космографов, натурфилософов, поэтов Европы и Англии, заявляя, что в трудах, сборниках и картах Уолтера Рэйли, Ричарда Хаклюйта, Френсиса Бэкона мы видим рождение «нового историзма»⁶. Нам важен его тезис, что «за считанные десятилетия происходит поразительный переход от духовного паломничества, основанного на библейской упорядоченности космоса, к путешествиям, опорой которым служит нестабильный, изменчивый, открытый мир». Можно спорить о длительности и характерных особенностях данного поворота, но в конкретном случае важно другое, а именно то, что мы можем признать, что травелог играет существенную роль в конструировании и трансляции образов пространства, а его понимание требует тщательного рассмотрения как авторских моделей восприятия, так и репрезентативных стратегий.

Ранее травелоги конца XVI–XVII в. как самостоятельные нарративы, функционирующие по своим законам, практически не рассматривались. Тексты Ченслера, Дженкинсона, Горсея и др. изучались в основ-

---

⁵ Замятин 2014. С. 102.

⁶ Hodgkins 2010. P. 21.

ном специалистами по геополитическим отношениям России и Британии в раннее новое время (в данном случае акцентировались темпоральные аспекты произведения), и региональными историками, акцентирующими спациональный характер путешествия. Здесь поставлена задача выявить травелографические составляющие описаний России, составленных британцами в конце XVI – начале XVII в., и рассмотреть их в контексте более широкой традиции фиксации образов пространства и описания продвижения путешественника в этом пространстве.

К XVI в. в Британии формируется комплекс текстов, в которых описание пространства является основным сюжетобразующим фактором. Наиболее известным и показательным примером может служить текст У. Кемдена «Британия»⁷ – всеобъемлющее полотно, на страницах которого чувствуется вера в возможность полного и окончательного описания пространства. Так, в обращении к читателю сказано: «Возможно, я был обманут моим доверием к авторам книг и тем, кому я верил более всего. Другие могут быть более опытны и более сведущи в особенностях определенных мест. Если они сообщат мне о неточностях, я буду благодарен и исправлю все ошибки. Если же они сообщат о фактах, которые я невольно упустил, я добавлю их. Если я не полностью изложил какой-нибудь аспект, я углублю его, если это кому будет угодно, по доброй воле, а не из желания поспорить, которое затеняет истину⁸». Стоит учитывать, что подобное стремление к полноте описания подразумевает сосуществование в одном тексте социально-политических и естественно-научных характеристик, включение в текст географических, лингвистических, историографических и прочих наблюдений.

Остановимся подробнее на компендиуме травелогов Ричарда Хаклюйта (1552–1616) «Путешествия и открытия...» (I изд. – 1589). Работа является собранием травелогов, писем и отчетов, призванных создать наиболее полное представление об открытых англичанами землях и достижениях английских мореплавателей. В посвящении сэру Фрэнсису Уолсингему, включенном в первое издание, Хаклюйт приводит показательную сцену общения со своим кузеном и теской:

«По счастливой случайности я посетил комнату мистера Ричарда Хаклюйта, моего кузена, джентльмена из хорошо Вам знакомого общества Среднего Храма, где увидел несколько томов Космографии и карту мира. Заметив мое любопытство, он показал мне как согласно старым отчетам земля делится на три части, а, затем, опираясь на последние данные, показал и назвал мне все известные моря, заливы, бухты, проливы, мысы, реки, империи, королевства, герцогства и земли в каждой из частей земли, отмечая также особые товары, производимые там, и называя товары, потребность в которых существует в

⁷ Первое латинское издание 1586 г. не содержало карт, издание 1607 г. содержало карты всех английских графств, в 1610 г. вышло издание на английском языке.

⁸ Camden 1610 (The Author to the Reader).

этих землях и которая, в силу развития торговли, во многом удовлетворяется. Затем он подвел меня к Библии и обратился к 107 псалму, указав на 23 и 24 стих, где я прочитал, что отправляющиеся на кораблях в море, производящие дела на больших водах, видят дела Господа и чудеса Его в пучине. Слова пророка вместе с речью моего кузена произвели на мою юную душу неизгладимое впечатление. В тот же миг я решил, что, если я когда-нибудь мне доведется оказаться в университетских стенах, где найдется время и возможность для данных исследований, с божией помощью, я буду развивать те знания и тот род литературы, двери которого так благополучно открылись передо мной»⁹.

Важно понимать, что тексты английских путешественников, описывающих свое пребывание в России, в собрании Хаклюйта являются только частью от всего собрания, призванного показать всесторонность британской торговли и дипломатических отношений. Из трех томов второго издания (1598–1600) тексты, связанные с деятельностью Московской компании, занимают только часть первого тома. Временные рамки травелогов, связанных с Россией, в собрании Хаклюйта охватывают вторую половину XVI в. От путешествия Хью Уиллоуби (1553) до четвертого путешествия Энтони Дженкинсона (1571) и небольшой заметки Джереми Горсея о возвращении из Москвы в Лондон (1584). Основной задачей торговых экспедиций Московской компании в этот период являлось установление торговых отношений с Китаем и Персией. Первый том включает в себя также путешествия в Норвегию, Данию, Пруссию. Второй том посвящен открытиям в южных водах, третий – поискам северного пути в Америку, а также путешествиям к землям центральной и южной Америки. Стоит учесть, что структура собрания строится по географическому принципу, а временные рамки являются весьма размытыми. Например, одним из самых ранних текстов является опубликованное во втором томе путешествие матери Константина Великого императрицы Елены в Иерусалим (337 г.). Вот что пишет сам Хаклюйт в предисловии ко второму изданию:

«В своих северо-восточных исследованиях на море и у берегов Колгуева, Печеры, Югории, Самоедии, Новой Земли и т. д., в прохождении и возвращении через проливы Вайгача, какие ужасные сугробы, горы льда даже в июне, июле и августе, какие страшные водопады, непредсказуемые течения, таинственные туманы и другие опасности подстерегали их на пути, но я надеюсь, вы скорее узнаете о них из путешествий сэра Хью Уиллоуби, Стефена Бэрроу, Артура Пэта и остальных, чем будете ждать здесь их перечисления. <...> Сейчас самое время выгнать якорь, поднять наши паруса, чтобы выбраться из этих бурных, туманных и морозных морей и со всей скоростью направить наш курс на спокойный и теплый Атлантический океан, через который столько способствовавших обогащению плаваний совершили Испанцы и Португальцы».

Для Хаклюйта история открытий Московской компании является важным, но только стартовым этапом распространения британского

---

⁹ Hakluyt 1903. P. XVIII.

влияния по миру. Вспомним, что название «московской» компания торговцев получила только через четыре года после своего основания, после заключения Ричардом Ченслером торгового договора с Иваном IV и получения права на беспощинную торговлю. Именно успешный пример Московской компании способствовал возникновению других торговых объединений, в т.ч. Ост-Индской торговой компании в 1600 г. Рассматривая тексты, связанные с деятельностью Московской компании, важно понимать, что их основным заказчиком является организация, заинтересованная в получении максимальной прибыли. Большие финансовые вложения требуют точности в передаче фактов. Отсюда основная цель заметок – фиксация информации, способствующей торговле и точное описание отдельных образов реальности.

В инструкции, составленной Себастьяном Каботом¹⁰ для первой торговой экспедиции Хью Уиллоуби и Ричарда Ченслера, прослеживается роль, которая будет отведена историко-политическим, социокультурным и естественнонаучным сведениям в травелогах английских мореплавателей. Естественнонаучные сведения представляют для купеческой компании не меньший, а по факту больший интерес, чем политические и историко-культурные заметки. Исторические заметки и сведения о политической ситуации служат подспорьем для установления дипломатических отношений и для создания выгодных условий для торговли. Социокультурные сведения сообщают о нравах, мировоззрении и потребностях населения, что позволяет организовать рынок сбыта выгодный для английской стороны. Естественнонаучные же сведения дают представление о качестве производимых товаров, о возможных перспективах добычи полезных ископаемых, выращивании ценных растений и о добыче или разведении ценных пород животных. В остальном естественнонаучные сведения, такие как сведения о географических и климатических особенностях регионов служат облегчению доставки грузов и поддержке сообщения среди британских факторий. Однако есть одна на первый взгляд излишняя часть описаний – фиксация необычных явлений, чудес, преданий, описание религиозных обрядов и редких изделий, всего, что называется *curiosities*. Именно эта составляющая дает нам представление о мире, в котором жил мореплаватель второй половины XVI в., где божественная воля являлась основным фактором, детерминирующим естественнонаучные явления, а чудеса – закономерным проявлением этой воли. При этом вера в чудеса способ-

---

¹⁰ За основу взяты переводы Ю.В. Готье. См.: Устав, инструкции и постановления для руководства предположенным путешествием в Китай (Cathay), составленные, сочиненные и изложенные весьма достопочтенным господином Себастьяном Кабота, эсквайром, правителем мастерства (*mysterie*) и компании купцов-предпринимателей для открытия стран, владений, островов и неизвестных местностей мая 9-го дня лета господня 1553. – Английские путешественники 1937. С. 29-37.

ствовала накоплению знаний, т.е. признанию ограниченности человеческого разума, что, в свою очередь, превращало торговца из человека, занимающегося лишь обменом товаров, в исследователя божественных тайн, первооткрывателя истин, скрытых от человеческого глаза.

Кабот указывает, что все лица «искусные в писании» должны вести наблюдения, «описывать и запечатлевать в памяти плавание каждого дня и ночи». Однако им учитывается ограниченность человеческого разума, в силу чего командиры должны собираться раз в неделю и обсуждать записи. «После достаточного обсуждения, когда придут к общему заключению, весь материал должен записываться в общую постоянную книгу»¹¹. Мы видим здесь одну из форм сообщества, критически относящегося к эмпирическим сведениям, анализирующего источник и стремящегося к объективному описанию действительности. Христианская вера выступает идентификационным элементом сообщества и надежным основанием в борьбе с переменчивыми условиями. При этом признается необходимость сотрудничества с народами иных религиозных воззрений, для облегчения которого в инструкции запрещается «сообщать какому бы то ни было народу сведения о нашей религии, но предлагается обходить этот вопрос молчанием и не высказываться о ней, делая вид, что мы имеем те же законы и обычаи, какие имеют силу в той стране, куда вы приедете». Кабот призывает не пугаться устрашающего вида чужеземцев, носящих «львиные или медвежьи шкуры» и длинные луки со стрелами, поскольку все это носится из «страха перед чужеземцами», в то же время он советует быть бдительными, поскольку дикари могут взять плохо охраняемые корабли приступом, «желая получить людские тела для еды». Таким образом британский путешественник изначально готов отбросить традиционное представление об устройстве Земли, ведь в инструкции сказано, что рвение подданных Карла V и португальских королей «обогатили их такими землями и островами, которые оставались неизвестными космографам и другим писателям и, по соображениям не имевшего опыта разума, считались непригодными для обитания из-за крайней жары и крайнего холода, а на деле признаны богатейшими, населенными, умеренными по климату и столь удобными, что Европа не может и сравниться с ними»¹². Неслучайно Томас Грешем в письме 1553 г. первым назвал торговлю наукою, которую надобно изучать¹³. Роль торговли в развитии научного знания является отдельной темой, отметим только, что именно в здании лондонской биржи, открытой Грешемом, позднее собиралось Королевское общество и помещался музей естественных и художественных редкостей.

---

¹¹ Там же. С. 30.

¹² Там же. С. 34, 36-37.

¹³ Гамель 1865. Ч. 1. С. 9.

Символическим мемориалом первых англо-русских отношений служит тетрадь Хью Уиллоби, возглавлявшего экспедицию по поиску северо-восточного пути в Китай в 1553 г. Тетрадь была обнаружена через год вместе со всей командой, погибшей от холода, и доставлена в Лондон. Сам по себе этот текст может быть отнесен к травелого, в котором преодоление пространства является главным сюжетообразующим фактором. Описания сведены к минимуму – указание пройденных мест и географических особенностей, таких как направление ветра и глубина. «Гавань эта вдается в материк приблизительно на 2 мили, – пишет он, – а в ширину имеет пол-лиги. В ней было много толеней и других больших рыб, а на материке мы видели медведей, больших оленей и иных странных животных и птиц, как например, диких лебедей, чаек, а также других, неизвестных нам и возбуждавших наше удивление»¹⁴. Столкновение с неизвестным и способы его описания являются важными документальными компонентами травелога, требующими пристального внимания историка. Весьма показателен в этом отношении спор о северо-восточном пути в Китай. Согласно Р. Хаклюйту, Антони Дженкинсон доказывал, что встречающиеся на берегах Тартарии рога единорогов, говорят о наличии водного пути в Китай, так как известно, что единороги водятся только в Китае и в Индии. Сам Хаклюйт называл это доказательство «весьма сомнительным», так как едва ли татары могли точно установить, что найденные ими рога принадлежат единорогам, к тому же волны не могли принести их так далеко, ведь известно, что рога единорогов по своей природе плавать не могут¹⁵.

Интересно описание первого путешествия англичан в Россию, составленное Климентом Адамом на латыни и включенное в первое издание Хаклюйта 1589 г., а в двух последующих текст опущен. Начинается текст с обращения к королю Филиппу, не будем сейчас останавливаться на данном политическом аспекте, отметим только оборот, используемый Адамом: «западные Индийцы, за несколько пред сим годов открытые, составляют бессмертный памятник предков Ваших, кои, распространив там Христианскую веру, расширив пределы Государства и собрав несметные богатства, стяжали чрез то для потомков своих бессмертную славу и огромные сокровища; и тем оставили после себя доказательства знаменитости своей. Подобно им, и Ваше Величество, продолжив и утвердив навсегда дружественное сношение с Москвитянами, столь полезное и необходимое для подкрепления и возвышения торговли нашей, соорудите себе вечный памятник доблести Вашей¹⁶». В данном контексте Московская компания выступает продолжателем дела испанских

---

¹⁴ Английские путешественники 1937. С. 46.

¹⁵ Hakluyt 1886. P.55

¹⁶ Адам 1826. С. 85.

конкистадоров. Далее Адам описывает путь в стиле преодоления, свое знакомство с Россией и путь Ченслера в Москву, после чего следует описание географического положения Московии, описание Москвы и царского приема, рассказ о военном деле, краткое описание других крупных городов с указанием товаров, на которые может быть спрос. Записки Адама также содержат естественнонаучные фрагменты, которые можно отнести к разряду «curiosities».

Про Уральские горы Адам пишет: «оне покрыты вечным снегом, от чего всегда белеют, как седый Гигант. Древние все уверены были, что река Дон вытекает из сих гор, и мечтали, что в сих ущелинах живут все чудовища и страшилища природы, порожденные пламенным воображением Греков. Но соотечественники наши, недавно возвратившиеся из Московии, и имевшие случай часто разговаривать с Московитянами, ничего слышали о сем». Описывая животного, называемого московитянами росамахой, он пишет: «Последняя имеют редкую и удивительную сметливость и догадливость: ибо когда им нужно бывает родить, то оне ищут таких двух дерев, между коими бы находился самой малой промежутком; нашедши таковые, проходят между ими, и чрез то освобождаются от бремени своего, от коего не иначе, могут освободиться оне, как сим только способом». Во время бедствий «московитяне идолопоклонники» обращаются к идолу: «Повергшись пред истуканом, сперва приносят ему свои мольбы; потом ставят посредине барабан, который избранные по жеребью окружают и кладут на него золотую лягушку. После сего бьют по барабану палкою, и к кому упадет лягушка, того немедленно убивают до смерти. Умерщвленный, неизвестно каким очарованием идола, оживши, изъясняет причины постигших бедствий».

Схожий по сюжету обряд описан шкипером Ричардом Джонсоном, который он наблюдал у самоедов в 1556 г. Только в его случае роль чудесно воскресшей жертвы выполнял жрец. Когда автор хотел убедиться в смерти жреца его остановили, сказав, «что если увидеть жреца плотскими глазами, то умрешь». Мы видим пример столкновения двух описательных практик – мифопоэтической и механистической, представляющей мир как сумму эмпирически познаваемых элементов¹⁷.

Сопоставив тексты Адама и Ченслера, найдем немало общих черт. Дело не только в том, что путешествие было совместным, но и в общем жанровом контексте. В тексте Ченслера тоже присутствуют следующие элементы: краткое изложение географического положения городов и производимых товаров; описание Москвы; рассказ о представлении царю; описание царских палат и приема; рассказ о царе и его власти; о ведении войны; о судебном производстве; о религиозном устройстве. Среди отличий – обращение к королеве и отсутствие неоднозначных естественнонаучных замечаний. Если Ченслер и приводит сомнительные сведения, тем не менее он старается привести доказательства: «Я слышал, что убранство их стоит очень дорого; я отчасти имел случай сам в этом убедиться, иначе трудно было бы поверить¹⁸». В остальных текстах пре-

¹⁷ О мифопоэтических практиках в травелогох см. Шпак 2019 (b)

¹⁸ Английские путешественники 1937. С. 59.

дельно схожи. Достаточно сравнить описание первой встречи с Иваном IV. Адам пишет: «он сидел на возвышенном троне, в золотой диадеме и богатейшей порфире, горевшей золотом; в правой руке у него был золотой скипетр, осыпанный драгоценными камнями; на лице сияло величие; достойное Императора». В тех же красках дано описание царя у Ченслера: «Сам великий князь сидел много выше их на позолоченном сиденье в длинной одежде, отделанной листовым золотом, в царской короне на голове и с железом из золота и хрусталя в правой руке; другой рукой он опирался на ручку кресла». Относительно отдельных фрагментов можно даже сделать предположение о заимствовании или существовании общего шаблона. Но описания, составленные путешественниками последующих экспедиций, структурно тоже весьма напоминают тексты Адама и Ченслера. Например, первое путешествие Дженкинсона из Лондона в Москву (1557) состоит из описания отплытия и пути в стиле преодоления с редкими зарисовками быта местного населения, фиксации царского приема, описания Москвы и царского двора и отдельных характеристик русского населения, таких как религия, нравы, повседневные потребности и одежда. Схож по структуре и стилистике и текст неизвестного англичанина из экспедиции А. Дженкинсона¹⁹, и травелог Стивена Барроу, также включенный в собрание Хаклюйта. Сходство структуры и стилистическое единство позволяют сопоставлять тексты, анализируя описанную в них историческую действительность, но в контексте данной работы такая задача не стоит. Нам скорее важны общие репрезентативные стратегии и их эксплицитное выражение, своеобразная рефлексия письма. Обратимся к более позднему сообщению Уильяма Барроу (1598), составившему карту северных морей в 1558 г.:

«Ни один человек до сего времени не сделал еще ничего подобного, да и не может человек достигнуть этого одной теорией, если только он не путешествует, как я. Ведь с полной истиной можно сказать о мореплавании и гидрографии, что не может человек быть искусным в одном, не зная другого. А так как ни одна из этих наук не может быть усвоена без помощи астрономии и космографии, а еще менее – без арифметики и геометрии, составляющих два устоя всех наук, то никто из знающих эти математические науки не может извлекать из них пользу без достаточной морской практики: так, необходимейшим образом наука и разум зависят от практического опыта. Много есть людей, ученых и неученых, мало опытных и совсем неопытных, которые много будут говорить об ошибках в мореплавании, не будучи в состоянии их исправить. <...> Я говорю об этом по опыту. Моя опытность и мои знания побуждают меня поэтому представить вашему величеству некоторый опыт в виде настоящего моего замысла»²⁰.

Картография – пример коллективного процесса, где опыту одного человека приходит на помощь опыт других: «Местности, показанные здесь, но которых я сам лично не видел и не обследовал, я нанес на кар-

¹⁹ Известия англичан 1884.

²⁰ Английские путешественники 1937. С. 90.

ту на основании лучших авторитетов, какие только я мог найти, и если я ошибаюсь, то вместе с учеными Гергардом Меркатором, Абрагамом Ортелиусом и им подобными²¹». Однако А. Дженкинсон, составивший в 1562 г. карту восточного пути в Персию, не смог удержаться от добавления легендарных сюжетов. Так, он упоминает «собрание людей со стадами», которые «300 лет тому назад» превратились «вследствие удивительной метаморфозы» в скалы «ничем «ничем не изменив своей прежней формы». Механизмы фиксации и описания образов пространства будут складываться на протяжении XVII–XVIII вв. вместе с деятельностью научных учреждений, одна из задач которых – схематизация и упорядочивание образов действительности. Но в 1557 г. Стивен Барроу еще дает названия отдельным местам по собственному почину и создает новые метафоры. Об одном из островов он пишет: «он не похож на остров, но кажется точно на нем выстроен замок»; описывает отдаленное место так: «на нем возвышается нечто черное, похожее на пустую корабельную бочку, стоящую у моря», а, сообщая о пробе грунта, делает следующее сравнение: «лот дал что-то вроде коросты с паршивой головы». Любой язык по определению метафоричен, для описания ранее не встречаемых феноменов у путешественников было только два пути – использование слов из языка местных народов или изобретение метафор. В случае, когда коммуникация с местным населением отсутствовала, путешественникам приходилось полагаться на свою фантазию.

Далее рассмотрим три знаковых для российской истории конца XVI в. текста – Джереми Горсея, Джайлса Флетчера и Томаса Смайта.

Для начала разберемся насколько уместно относить эти тексты к травелогам. Травелог – это нарратив, фиксирующий передвижение героя в пространстве и составленный от первого лица. Однако на этом его характеристики не заканчиваются. Мы видим, что авторы, в зависимости от традиции, могут использовать разные репрезентативные стратегии. В уже рассмотренных текстах непосредственно травелогографическая часть является сюжетным основанием, фиксирующим перемещение героя, но в то же время в текст добавлены заметки, вынесенные за рамки непосредственного путешествия, такие как замечания «о религии», «о нравах», «о делопроизводстве» и пр. Это говорит, что мы имеем дело не с травелогами в чистом виде, а с гибридными текстами, где травелогографическая составляющая является только одним из компонентов. Личность автора в этих текстах отступает на второй план, текст предельно безличен. Единственное, что напоминает о существовании автора, местоимения: «я добрался», «мы выехали». Создается впечатление, что путешествие сугубо индивидуально, и эмпирическая фиксация образов пространства – единственное, что имеет значе-

²¹ Там же. С. 89.

ние для авторов. Только позднее мы увидим травелоги, нацеленные на фиксацию переживаний автора, наполненные диалогами, психологическими характеристиками, описаниями размышлений, эмоций и снов.

В «О государстве русском» Дж. Флетчера²² травелографическая составляющая отсутствует, хотя структурно текст продолжает традицию травелографических описаний. Первые главы посвящены естественному научным заметкам о географическом положении, климатических особенностях и произрастающих растениях, далее идет описание царского рода, традиции коронования, образа правления и политического устройства, описание судебной системы, военных дел и отношений с соседними государствами и народами. В последних главах приводится повествование о религиозных обрядах и традициях вероисповедания. Завершает произведение глава о домашней жизни и свойствах русского народа.

Текст «Извлечения из обзора сэра Джерома Горсея, посвященного семнадцатилетним путешествиям и деятельности в России и других примыкающих странах» был опубликован в сборнике С. Перчейса «По следам Хаклюйта, или Пилигримы...» (1625 г.)²³. Перчейс продолжает труд Хаклюйта, частично основываясь на его рукописях. Представление о том, какое значение отводил Перчейс познанию пространства, можно получить из его обращения к читателям:

«Естественные объекты, будучи божественными творениями, сохраненные божественным промыслом и рассеянные во всех частях мира как множество частей одного великого тела наиболее приличествуют изучению. Такова история людей во всем разнообразии оттенков, количеств и пропорций, история зверей, рыб, птиц, деревьев, кустарников, трав, минералов, морей, земель, метеоров, небес, проливов с их естественными влечениями, где и древнее и новое сотворено достойно; даже удаленные объекты увенчаны добродетелями истины и своеобразия (Verity and Varieties), особенно самые труднодоступные и редкие. Правда, что каждая часть общего тела имеет нечто уникальное, чем и служит общему. Каждый регион имеет свои потрясающие редкости, которые позволяют считать его уникальным, хотя в остальном он может быть самым обычным и ничем не примечательным. Все нужно рассматривать на своем месте. Мой гений восхищен скорее тропами, чем дорогами, и тем как тропы и трактаты (Tracts and Tractates) создают основания и пути. Путеводители для паломников (Pilgrime-Guides) позволяют путешествовать без страха в самые неизведанные страны и части мира и другими глазами смотреть на редкости природы и чудеса, которые не противоречат природе, но стоят выше нее и выходят за рамки обычного в удивительных вещах, сотворенных божественным промыслом и в удовольствие его²⁴».

Далее он сообщает, что творения человека – политика, одежда, искусство и пр. – множество недоступное не одному коллекционеру, и его собрание попытка показать его во всем многообразии. «Я могу до-

²² Публиковалось отдельным изданием в 1591 г., а также отрывочно во втором издании собрания Хаклюйта (1600) и Самюэля Перчейса (1625). См. Флетчер 1991.

²³ В полном виде эти записки были изданы только в 1856 г.

²⁴ Purchas 1905. P. XLIII (To the reader).

бавить, что работа подобная моей в наше время необходима, когда ученые (Scholars) так увлечены географией, познанием природных и мировых истин во всем разнообразии, которое даже Аристотель – лучший мыслитель (Scholar) в Натуральной школе и ее первый секретарь не смог бы увидеть ни в свое время, ни даже век назад²⁵».

Вернемся к тексту Горсея. Основной повествовательной канвой служит дипломатическая деятельность Горсея и изложение актуальных политический событий вплоть до подробностей гибели Бориса Годунова и его сына, но в тексте дается описание передвижения в стиле преодоления, что говорит о его травелографической природе. Помимо политических зарисовок в тексте присутствуют эпизоды, относящиеся к разряду «curiosities», в т.ч. знаменитая сцена в сокровищнице Ивана Грозного, которую Горсей зафиксировал «для собственной памяти».

Царь демонстрирует «драгоценные» камни и рассказывает об их назначении: «Магнит, как вы все знаете, имеет великое свойство, без которого нельзя плавать по морям, окружающим землю...»; «Этот произошел от радуги, он враг нечистоты...»; «Все эти камни – чудесные дары божьи, они таинственны по происхождению, но раскрываются для того, чтоб человек ими пользовался и созерцал»²⁶.

По этим замечаниям можно судить о том, как путешественник воспринимал естественнонаучные контексты окружающего его пространства.

О гибели Бориса Годунова рассказывается и в анонимном тексте, описывающем визит к царскому двору британского дипломата Томаса Смита²⁷ (1604–1605), но для нас важнее, как фиксируются образы пространства. Описывая превратности морского пути, автор заключает:

«...желая всего хорошего каждому, кому по сердцу море, сам я всегда предпочту оставаться на суше и оттуда уж созерцать “одно из трех красивейших зрелищ на свете – корабль на всех парусах”, то “вздымающийся” (по выражению моряков), подобно льву, ставшему на задние лапы, то привскакивающий и приседающий, словно русский медведь во время травли превосходными английскими псами».

Текст имеет ряд черт, отличающих его от предыдущих травелогов: «воображение» как ключевой инструмент рецепции образов реальности, диалог с читателем, рефлексия письма, наличие ссылок на других авторов и полемика с ними. Так, собираясь описать Волгу, автор сообщает:

«...но мысль, что в драгоценных трудах стольких славных писателей, как, например, мистера Ричарда Гаклейта, уже говорилось о ней с достаточною подробностью, побуждает меня отказаться от описания как самой реки, так равно и города, сославшись на тех, которые уже делали подобного рода описания, в особенности же на правдивое описание доктора Флетчера, бывшего некоторое время послом при нынешнем царе».

²⁵ Ibid. P. XLV.

²⁶ Горсей 1990. С. 86.

²⁷ Первая редакция 1605 года, в виде изложения опубликована у Перчейса 1625 г. Цит. по Болдаков 1893.

Травелогги находятся в определенной системе отношений. И автор намеренно противопоставляет свой подход текстам других авторов, он открыто иронизирует над ними, рассуждая, чем бы развлечь читателя:

«Или, наконец, я мог бы пуститься в описание разных мысов и песчаных отмелей, рифов и скал, островов и водоворотов и пр. Но все это предметы для чуждого мне языка, на котором люди не краснеют фантазировать, как истые поэты <...> Но я охотно воздерживаюсь от всякого подражания поэтам, хотя и вполне признаю их высокое значение, памятуя какими проклятиями осыпает достопочтенный автор “Apology for Poetrie” тех, кто не почитает поэтов».

Перед нами раскрывается репрезентативная стратегия автора. Заявляя о своей непричастности к поэтическому кругу, он в то же время отсылает нас к произведению Филипа Сидни «В защиту поэзии», в котором и постулируется используемая автором стратегия:

«Лишь поэт, презирающий пути любого рабства, воспаряет на своем вымысле, создает, в сущности, другую природу. Он создает то, что или лучше порожденного Природой, или никогда не существовало в Природе, например Героев, Полубогов, Циклопов, Химер, Фурий и прочих. Так он идет рука об руку с Природой, не ограниченный ее дарами, но вольно странствующий в зодиаке своего воображения. Природа никогда не украсит землю столь богато, как это сделали поэты, ее реки не будут красивее, деревья плодоноснее, запах цветов нежнее, ей не сделать нашу безмерно любимую землю еще прекраснее. Ее мир – Это медь, которую поэты превращают в золото²⁸».

Мы видели, как утверждалась традиция механистического описания с опорой на эмпирику и критический подход. Пространство должно было найти непосредственное отображение на страницах травелога. Традиция постулируемая Филипом Сидни, исходит из того, что именно текст, точнее – авторское воображение, является основой для фиксации реальности. Воображение, лежавшее в основе мифопоэтической рецепции, снова выступает в качестве адекватного инструмента восприятия и репрезентации. Вследствие распространения этой традиции происходит, с одной стороны, расширение творческого инструментария авторов художественных текстов, а с другой – формирование научных описательных норм, когда на первом месте в деле восприятия пространства стоит «изучение», а художественная составляющая сведена к минимуму.

Рассмотрим два текста, в которых «изучение» является основной формой взаимодействия с пространством. Первый – травелог Джона Традесканта, отправившегося в 1618 г. в Россию с целью изучения растительности, животных, сбора семян, шкур и пр. Уже то, что основной целью путешествия является не преодоление пространства, а пребывание в нем, выделяет этот текст на фоне предшествующих. И.Х. Гамелло удалось обнаружить и частично опубликовать этот уникальный источник в книге «Англичане в России в XVI–XVIII вв.». Традескант фикси-

---

²⁸ Сидни 1982. С. 153.

рует не только свое передвижение, но и встречу с неординарным, т.е. не известным, не изученным, не имеющим словесного обозначения:

«Также в ночь на понедельник странная птица прилетела к нам и была поймана живой и отдана мне на сохранение, но умерла через два дня в 60 лигах от берега. Птиц подобных этой мне прежде встречать не доводилось, и я решил сохранить ее». Основное внимание в тексте обращено на мир живых существ, в который входят и самоеды со своими костюмами и обрядами. «Этой ночью на наш корабли ступили самоеды – жалкие люди небольшого роста. Я согласен с тем, что им вовсе необязательно иметь головы, поскольку у них короткие шеи, а одежда как правило скрывает их головы и плечи». Он описывает растения и животных, стараясь сохранять шкуры и семена, отправляя редкие экземпляры домой: «Я видел землянику, однако не на земле, а в продаже. Трижды она оказывалась на столе моего господина, но она ничем не отличается от нашей, вследствие чего я и не особо старался ее отыскать». «Мне уже не терпелось скорее пристать к берегу, хотя это было не просто. Когда мы пристали, я увидел множество ягод, похожих на землянику, но с янтарным отливом и другой формой листьев. <...> Несколько ягод я отправил показать домой. Несколько – высушил, чтобы получить семена, которые отправил Робинзону в Париж»²⁹.

Пространство теряет свою независимость. Исследователь получил право структурировать его, создавать новые классы наименований, отбрасывать идеальное, отбрасывая вторичное³⁰.

Очевидно в том же стиле фиксировал образы пространства и Ричард Джемс, находившийся в России в 1618–1619 г., но пять тетрадей его путевых записок были утрачены, осталась лишь записная книжка с переводом русских слов на английский и комментарии к некоторым словам и понятиям³¹. Комментарии естественнонаучного характера свидетельствуют о том, что фиксация и детализация образов живой природы виделись Джемсу важной задачей. Русские слова для него, как пойманные Традескантом и отправленные в Англию редкие звери. О сложности репрезентаций в отсутствие устойчивых описательных схем можно судить по тому, как Джемс описывает отдельные виды рыб и птиц:

«Нельма – двинская рыба с раздвоенным хвостом, как у семги, схожая с нею и в других свойствах, но по вкусу она напоминает леща»³². Мы видим здесь важное естественнонаучное открытие – внешнее сходство не означает схожий вкус. «Житвенки – маленькие птички, обычно величиною с жаворонка; у них такой же длины коготок, на спине и животе оперенье одного цвета, а по бокам головы как бы рожки из черных перьев и черное пятно на шейке. Ноги и клюв черноватые. На голове и шее желтые полосы и пятна. По вкусу они напоминают жаворонков. Очень жирны. Мы съели 4 октября 18 штук, купленных в Колмограде за 4 копейки и 16 штук за 3 деньги 12 (октября)»³³.

²⁹ Гамель 1865. Ч. 1. С. 131, 134, 138, 135.

³⁰ См. Галисон, Дастон 2018.

³¹ Словарь был впервые опубликован Гамелем в 1847 г.

³² Ларин 1959. С. 94.

³³ Там же. С. 97.

Отсутствие устойчивых схем требует полноты описания. Мы видим указание на окрас, форму, вкус и цену. Но такая форма репрезентации не означает фиксацию только эмпирически проверенных сведений. Отдельные сообщения могут быть добавлены в разряд *curiosities* как, например, сообщение про сибирских карликов:

«Рассказывают за правду, что около Сибири есть целый народ, ведущий войны с журавлями за свою жатву»; или про «Маймонтов»: их «никто никогда не видел» и они, «по объяснению самоедов, сами прорывают себе дорогу под землей, и потому они находят его зубы, рога и кости (под землей) на Печоре и на Новой Земле».

Мы видим, что текстуальные особенности травелога сильно привязаны к авторским репрезентативным моделям. Во второй половине XVI – начале XVII в. в Британии формируется новое понимание «объективности», а мифопоэтические и механистические модели описания получают свое вербальное выражение. О путешествии и его значении начинают писать эссе. В 1620 г. эссе «О путешествии» публикует Оуэн Фелтхам, в 1625 г. – Френсис Бэкон³⁴. И именно вскрытие рецептивно-репрезентативных моделей позволяет нам в новом ракурсе взглянуть на описываемые события, в конкретном случае – на российскую действительность конца XVI – начала XVII в.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Адам К. Первое путешествие англичан в Россию, описанное Климентом Адамом, другом Чанселера, капитана сей экспедиции, и посвященное Филиппу, Королю Английскому // Отечественные записки. Часть 28. № 78. 1826. С. 84-103. [Adam K. Pervoe putestvie anglichan v Rossiju, opisannoe Klimentom Adamom, drugom Chanselera, kapitana sej ekspedicii, i posvjasennoe Filippu, Korolju Anglijskomu // Otechestvennye zapiski. Chast 28. № 78. 1826. S. 84-103.]
- Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. Ю.В. Готье. М.: Соцэкгиз, 1937, 308 с. [Anglijskie putesestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke / per.. Ju.V. Gote. M.: Socekiz, 1937, 308 s.]
- Болдаков И.М. Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России / пер. и прим. И.М. Болдакова. СПб., 1893 [Boldakov I.M. Sera Tomasa Smita putesestvie i prebyvanie v Rossii / per. i prim. I.M. Boldakova. SPb., 1893]
- Бэкон Ф. Сочинения в двух томах / пер. с англ. Н. Федоровой, Я. Боровского. М.: Мысль, 1972 т.1. 593 с., т. 2. 579 с. [Bekon F. Sochinenija v dvuh tomah / per. s angl. N. Fedorovoj, Ja. Borovskogo. M.: Mysl, 1972 t.1. 593 s., t. 2. 579 s.]
- Галисон П., Дастон Л. Объективность. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 584 с. [Galison P., Daston L. Obektivnost. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 584 s.]
- Гамель И.Х. Англичане в России в XVI–XVII вв. СПб., 1865–1869. ч. 1. 180 с. ч. 2. 128 с. [Gamel I.H. Anglichane v Rossii v XVI–XVII v. SPb., 1865–1869. ch. 1. 180 s. ch. 2. 128 s.]
- Горсей Дж. Записки о России. XVI-начало XVII в. / под ред. В.Л. Янина; пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М.: Изд. МГУ, 1990. 288 с. [Gorsej Dz. Zapiski o Rossii. XVI-nachalo XVII v. / pod red. V.L. Janina; per. i sost. A.A. Sevastjanovoj. M.: Izd. MGU, 1990. 288 s.]
- Замятин Д.Н. В поисках удаляющихся пространств: историческая география и онтологические модели воображения // Книга картины Земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадьевны Коноваловой. М.: Индрик, 2014. [Zamjatin D.N. V poiskah udaljajusihjsja prostranstv: istoricheskaja geografija i ontologicheskie modeli voobrazenija // Kniga kartiny Zemli. Sbornik statej v chest Iriny Genadievny Konovalovoj. M.: Indrik, 2014]

³⁴ Faltham 1840; Бэкон 1972.

- Известия англичан о России XVI в. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1884. № 4. [Izvestija anglichan o Rossii XVI v. // Shteniya v imperatorskom obshestve istorii i drevnostej Rossijskih. M., 1884. № 4]
- Ларин Б.А. Русско-английский словарь - дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Ленинград: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1959. 350 с. [Larin B.A. Russko-anglijskij slovar – dnevnik Richarda Dzemsja (1618–1619). Leningrad: Izd-vo Leningradsk. un-ta, 1959. 350 s.]
- Сидни Ф. Астрофил и Стелла. Защита поэзии // под ред. Л.И. Володарской. М.: Наука, 1982. 377 с. [Sidni F. Astrofil i Stella. Zasita poezii // pod red. L.I. Volodarskoj. M.: Nauka, 1982. 377 s.]
- Флетчер Дж. О государстве Русском / Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). М.: Международные отношения, 1991. С. 25-139. [Fletcher Dz. O gosudarstve Russkom / Proezzaja po Moskovii (Rossija XVI-XVII vekov glazami diplomatov). M.: Mezdunarodnye otnosenija, 1991. S. 25-139]
- Шпак Г.В. Визуальные источники в естественнонаучном знании XVI-XVII веков в свете современной историографии // Роль источников визуальной информации в информационном обеспечении исторической науки. М., 2019 (a) [Spak G.V. Vizualny istochniki v estestvennonauchnom znanii XVI-XVII v svete sovremennoj istoriografii // Rol istochnikov vizualnoj informacii v informacionnom obespečenii istoricheskoj nauki. M., 2019 (a)]
- Шпак Г.В. «Дикари» и «Ученые». Столкновение репрезентативных стратегий на примере «ученых путешествий» XVIII в. // Россия в мире / под ред. О.В. Воробьевой. М., 2019 (b) [Spak G.V. «Dikari» i «Uchenye». Stolknovenie reprezentativnyh strategij na primere «uchenyh putesestvij» XVIII v. // Rossija v mire / pod red. O.V. Vorobevoj. M., 2019 (b)]
- Camden W. Britain, or, a Chorographical Description of the most flourishing Kingdomes, England, Scotland, and Ireland. London: George Bishop and John Norton, 1610.
- Davies Hugh Bernhard von Breydenbach and his journey to the Holy Land 1483-4: a bibliography. London: J. & J. Leighton, 1911. 232 p.
- Davis W. A Journey Round the Library of a Bibliomaniac: Or, Cento of Notes and Reminiscences Concerning Rare, Curious, and Valuable Books. London, 1821. P. 8.
- Falham O. Resolves, Divine Moral and Political. London: Pickering, 1840. 334 p.
- Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Glasgow, James MacLehose and Sons, vol. 1. 1903. 462 p.
- Hakluyt R. Voyages in Search of The North West Passage. L.: Cassel and Company, 1886. 204 p.
- Hodgkins C. Rev. work: From Pilgrimage to History: The Renaissance and Global Historicism. John G. Demaray. N.Y.: AMSPress, 2006 // Modern Philology. 2010. V. 108, N 1. P. 21-24.
- Purchas S. Hakluytus posthumus, or Purchas his pilgrimes: contayning a history of the world in sea voyages and lande travells by Englishmen and others. Glasgow: Maclehorse, 1905. V. 1. 505 p.
- Шпак Георгий Владимирович**, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Лаборатория этнической археологии, Уральский федеральный университет, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, geo.shpak@gmail.com

English travellers' notes about the 16th – 17th century Russia in the context of British travelography

Notes of English travelers about Russia (from R. Chancellor notes (1553) up to John Tradescant's diary (1618)) were considered by researchers as a source that to illustrate certain historical phenomenon. Our task is to consider these texts as independent narratives that function within the boundaries of the British travelography's genre. This approach allows to shed light on the representative strategies and the author's reception of reality.

Keywords: travelogue, Russia, Russia and Britain, travelers' notes, representation of space, history of scientific knowledge

Georgy Shpak, PhD (in history), Junior Research Fellow, Laboratory of Edition Archeography, Ural Federal University, Junior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Science, geo.shpak@gmail.com